

НАРОДЫ СССР

В. Евсеев. *Избранные руны Архипа Перттунена*, Петрозаводск, 1948, 74 стр.

Одним из замечательных певцов, от которых Э. Лённрот записывал руны в 1834 г., был Архип Перттунен, спевший около 60 рун. Имя этого певца рун в результате работ Лённрота стало известно всему научному миру. Рецензируемый сборник содержит 8 рун и 7 песен из поэтического наследия Архипа Перттунена, род которого прославился как хранитель древнего карело-финского эпоса. Из семьи Перттуненов вышли и другие певцы рун — хорошими певцами были его отец, сестра, сын, а одна из певих рун из семьи Перттуненов принимала участие в наши дни в юбилейных торжествах, отмечающих столетие полного издания «Калевалы». Перевод текстов сделан В. Евсеевым под заметным влиянием старого перевода Бельского, но живее и проще. В нем имеются недостатки. Можно, например, указать на постоянное употребление слова «герой», а на стр. 20 — «витязь» для самых обыденных ситуаций, что вряд ли можно признать удачным; на приверженность к устаревшим формам слов вроде «младой», «дева» и т. п. Но в целом перевод вполне приемлем.

Книга открывается вступительной статьей В. Евсеева о «певце рун Архипе Перттунене». В ней дается биография Перттунена, земледельца и рыболова, характеристика его творчества. Историко-материалистический подход к эпосу не чужд автору, как можно судить по одному абзацу его статьи, где он затрагивает множество важных и актуальных проблем (хотя и не дает сколько-нибудь развернутого освещения их). Он пишет: «Руны Архипа Перттунена имеют огромное историко-познавательное значение. В них нашли свое отражение самые разнообразные явления жизни. Из рун Архипа можно почерпнуть интересные сведения о быте родовой общины, первобытной материальной культуре материнского и отцовского родов. Охота, рыболовство, земледелие — все это изображено в рунах Архипа Перттунена. В рунах Архипа Ивановича дается не менее яркая картина и более поздних общественных отношений, связанных с социальным неравенством, с элементами домашнего рабства. Труд, приносящий счастье народу, прекрасно воспел Архип, как воспета им и борьба героев рун за это счастье, олицетворенное в образе Сампо» (стр. 9). Больше к этой стороне рун Евсеев не возвращается и сосредоточивает основное внимание на рассмотрении формальной стороны рун («повторах», «поэтических параллелизмах», «постоянным эпитетам», «звуковой стороне», «ритмике», «каллиграфиях» и т. п.).

Увлечение формой особенно ощутимо потому, что В. Евсеев не делает попытки связать поэтику рун и песен с идейной стороной «Калевалы», с содержанием рун. В ряде случаев его оценки спорны. Он, например, приводит неизвестно почему произведший на него впечатление отрывок «о безмянной болезни», от которой пол и потолок гнили под больным (стр. 9), как образец высокохудожественного образа, и не обращает надлежащего внимания на имеющееся в материалах множество действительно полноценных и социально-острых образов. В. Евсеев не отмечает органической связи художественных образов рун с трудовым опытом народа. Так, приведя как пример «частного случая параллелизма-сравнения» стих из руны о Кавкомьели, где тот «ко-варному Роутусу»

Голову с плеч отсекает,
Режет как ботву от репы...

(стр. 8),

автор не связывает это сравнение с привычными хозяйственными и бытовыми деталями (репа — основной овощ на Севере в дореволюционное время) и оставляет без внимания следующую строку, связанный уже с рыболовством:

Как чешуйку у рыбешки...

(стр. 51).

Значение «Калевалы» как художественного эпоса и как историко-этнографического источника очень велико. В этой народной поэме отражены национальные черты карело-финского народа. Фантастические образы «Калевалы» отразили мечту трудового народа о лучшем будущем, о «чудесах машинной техники» (по выражению О. В. Куусинена в юбилейном докладе «Основные идеи народного эпоса «Калевала», 21 февраля 1949 г.), о победе трудового народа Калевы над темными силами Похьолы. Так, чудесная мельница Сампо сама мелет в изобилии зерно, избавляя людей от тяжелого труда, а в одном из других вариантов — из нее появляются не только мука, но и соль, бывшая ценным ввозным продуктом, и «деньги», под которыми, как полагает О. В. Куусинен, следует подразумевать меха, служившие в древности денежной единицей.

Особого внимания заслуживает то, что подвиги героев «Калевалы» в основном — трудовые подвиги, как это и должно было быть в эпосе трудового карело-финского народа. Кейретуйнен, силач и красавец, догоняет на лыжах способного пробежать «по всей вселенной» чудесного лося, похвалившись, что

Нет таких зверей на свете,
Кто бы не был мной обогнан
На Калевы сына лыжах.

Охота показана в увлекательной динамичности, с рядом живых бытовых штрихов: в беге опрокинул на огонь котел с варевом у лапландцев, и это сопровождается лаем собак, плачем детей и смехом женщин. Охотник ставит свои лыжи на твист (обычный способ охоты за лосем, так как наст выдерживает охотника на лыжах, но лось проваливается и скоро выбивается из сил). Со свойственным эпосу гиллизмом, когда Кейретуйвен, оттолкнувшись лыжными палками, пускается в погоню за лосем,

Первый раз он лыжей двинул —
Тотчас же из виду скрылся,
Как скользнул еще второй раз —
Тут его не стало слышно.
С третьим разом попадает
...К лосю прямо он на спину

(стр. 45—47).

Вейнемейнен, чтобы получить свою будущую жену, совершает по требованию «Похьолы старухи» три подвига: пашет поле, запрягает (объезжает?) на меже неукротимого жеребца и ловит огромную щуку, для чего сам превращается в щуку (отметим, кстати, что чудесный жеребец в рунах Пертгунена вообще большая часть — конь для пахоты). Чтобы добыть из страны Похьолы Сампо, которое уже «в землю вкоренилось», Вейнемейнен принимается «зыпахивать» его корни: пень на обычной пашне — «пожоге» в Карелии, где некогда существовало подсево огневое земледелие (стр. 18). Ильмаринен — искусный кузнец, его лучшие произведения — мельница Сампо; другие же чудесные предметы, выкованные им, — золотой конь и дева — не удовлетворяют его самого, и он снова бросает их в горнило. Характерен диалог в руне «Состязание женихов», заимствованный, несомненно, из свадебного обряда: лукавые, уклончивые ответы жениха о цели прихода даются в форме иносказаний, содержание которых берется из окружающей трудовой жизни. Вейнемейнен отвечает Анникки-островитянке, сестре другого жениха, что он 1) отправил охоту за лебедями и гусьями (Анникки обличает его, что ее отец брал с собой охоту собаку на цепи, лук и стрелы); 2) на лов лососей (Анникки возражает, тогда бы в челне его лежали сети); в третий раз он говорит правду (стр. 28—29).

Этнографический анализ рун «Калевалы» со всей очевидностью доказывает ее происхождение. Насыщенность «Калевалы» этнографическим материалом органически связана быта народа и его поэзии — одно из доказательств ее мест происхождения. Насыщенность «Калевалы» этнографическим материалом органически связана быта народа и его поэзии — одно из доказательств ее мест происхождения. Насыщенность «Калевалы» этнографическим материалом органически связана быта народа и его поэзии — одно из доказательств ее мест происхождения. Насыщенность «Калевалы» этнографическим материалом органически связана быта народа и его поэзии — одно из доказательств ее мест происхождения.

Летом все на лодках легких,
А зимой на лыжах скользких

(стр. 63).

Часто упоминаются также «пестрые», «узорные» санки (расписные?). Столкновение Вейнемейнена и юного Евкахайнена произошло оттого, что при встрече их санки на дороге их дуги столкнулись и «гужи переплелись» (стр. 23).

Близкое знакомство певца рун с управлением лодкой сказывается в описании езды на лодке, различных деталей ее устройства, инвентаря. Общее место в рунах Пертгунена — сравнение с хвойным лесом мачты с поднятыми парусами.

На корабль заходит старец,
Он по палубе проходит,
Паруса он поднимает,
Будто сосны на горюшку
Мачты сухостойным лесом.
В синем море он несется,
Сидя за рулем горбатым

(стр. 26).

Своим гребцам Вейнемейнен приказывает подняться на мачту лодки, чтобы осмотреть окрестности: восток, запад и «берег Похьы» (стр. 20). Чтобы отдалить погоню, он бросает в воду кусочек кремня, и камень становится «скрытым островом под водсю», с которого раскалывается лодка преследователей. У старухи из Похьы превратившейся в орлицу, он отшибает когти рулем — лопатой, поднятой из вод (стр. 21—22). Девушка из страны «Мякялы мрякялы» «спрятала лодку» от старухи Вейнемейнена, чтобы он мог перебраться зимы, т. е. была перевозчицей (стр. 42).

В изгнании, Кавксмьели пристает к острову, и местные жители помогают ему «лодку затянуть на сушу», чтобы она обсохла (стр. 53).

Рыболовство в рунах Архипа Перттунена отразилось очень полно и разнообразно, причем в них сохранены и популярные рыбацкие поверья и легенды, — например, о русалке в образе рыбы, пойманной и отпущенной рыбаком. В той же руне о Лемминкйенне отразилась легенда и происхождении некоторых пород рыб и морских млекопитающих:

Он в кита преобразился,
Что едят одни лишь шведы,
Господа жарким считают,
А попы — так лучшим блюдом.

В основе этого замечания певца лежит действительное различие в обычаях скандинавских стран, где мясо китов и тюленей употреблялось в пищу, и России, где его не употребляли, считая «поганым»; надо думать, социальная верхушка карело-финского народа также стала употреблять его в пищу, подражая шведам, поэтому замечание певца имеет острый социальный смысл, осуждая отход от родных обычаев (стр. 64). В стране Маналы, откуда никто не может возвратиться, железные брат и сестра прядут железные — медные нити и вяжут из них сети, которыми перегораживают реку, чтобы задержать Вейнемейнена, проникшего к ним; однако вещей Вейнемейнен превращается в железную змею и проскальзывает сквозь сеть (стр. 43). Лов рыбы дан очень живо и конкретно. Лемминкйенн поймал рыбу-русалку, удя «на мысу туманный» медной удой с серебряной леской (обычное приукрашивание в фольклоре орудий труда). Странную рыбу, попавшуюся на крючок, он бросает «на дно лодки», сравнивая ее с местными породами рыб — тайменем, сягом, шукой, лососем — и отмечая отличия. Он сожалеет, что у него нет с собою режущих инструментов — мотыги или «резака для прутьев», чтобы разрезать рыбу и приготовить в пищу.

Бегло касаясь других сторон действительности, отраженной в рунах Перттунена, можно отметить особенности природы Карелии: водопады, пестрые камни, березу, ольху, вереск, ель и сосну, болота, морской лед; из фауны: тетерок, кукушек, белок, горностаев, волков и медведей и т. д. Жилище представлено рубленой избой, иногда еще курной, баней, в которой моются шелоком, полом с «мостками» посредине. Из женских домашних работ упоминается стирка белья на морском берегу, топка печи, метенье пола и т. п. Одежда жениха — рубаха с золотистым поясом, суконная одежда. Неоднократно встречается варка праздничного пива, упоминаются моменты свадебного обряда.

Внимательное сличение приемов народной медицины, обычаев, упоминаемых в различных рунах, вероятно также дало бы возможность установить их этнографическую основу. Не менее плодотворными оказались бы и исследования общественных отношений более ранней исторической эпохи, следы которой видны в рунах. Такова, например, легенда о «деревне людоедок, где героев топят жены», повидимому, относящаяся к «амазонским легендам»; терминология родства (о чем говорит и автор книги); плата за невесту, обычная в одних местностях и отсутствующая в других, особенности общинной жизни и многое другое.

Так же насыщены образами рыболовства, охоты, домашнего хозяйства и песни Архипа Перттунена, помещенные в рецензируемой книге. Особенно характерен образ трудолюбивой девушки, которую мать советует выбирать в невесты своему сыну, правила поведения на общественном пиру и др. Этот раздел назван автором «Лирика», что нельзя признать удачным, тем более, что первые два номера связаны с жанром охотничьих заговоров; одной из этих песен Архип Перттунен предпослал нечто вроде воспоминаний о том, как охотились прежде.

«Избранные руны Архипа Перттунена» — ценная книга, изданная к юбилею «Калевалы». Но все же она оставляет чувство неудовлетворенности — не только потому, что анализ рун, данный В. Евсеевым в его статье, недостаточен и не сосредоточивает внимание читателя на главном, а преимущественно из-за неполноты публикации художественного наследства этого замечательного певца. Советская общественность вправе ждать полного издания рун, записанных от Архипа Перттунена и его сына Михайла. Это — крупнейшие мастера народного искусства, и их творчество должно стать широко известным.

Р. Лупец

Väinö Kaukonen, *Kalevala ja todellisuus*. Eraitia kielen-kaeytön ongelmia Helsinki, 1948, 210.

Современное состояние финской (скандинавской) школы фольклористов ярко раскрывается на примере опубликованной в 1948 г. монографии финского буржуазного ученого В. Кауконена об отношении «Калевалы» к действительности. Основные положения этой работы не являются чем-то случайным для автора. Многие его утверждения уже даны в предшествующем его двухтомном исследовании «*Vauhan Kaleva-*